

Давыдов Алексей Юрьевич, Лобазова Ольга Федоровна

АКТУАЛЬНЫЕ ИДЕЙНЫЕ КОНЦЕПТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУСИ XIV-XV ВЕКОВ

В статье авторы приходят к выводу о том, что в русской мысли XIV-XV вв. существовал концепт, до сих пор не отмеченный наукой, - это идея Божьей защиты, которая воплотилась не только в жизни Церкви, но и в жизни всего общества, определив модель государственно-церковных отношений на длительный исторический период. Авторы полагают, что идея Божьей защиты является актуальной до сих пор, и предлагают рассматривать этот концепт как основу для формирования особенных черт российского менталитета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 80-85. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Buston.** The History of Buddhism / tr. by E. Obermiller. Heidelberg, 1931. Part 1.
8. **Conze E.** The Prajnaparamita Literature. Hague, 1960.
9. **Essence of the Heart Sutra: The Dalai Lama's Heart of Wisdom Teachings** / Tenzin Gyatso, the Fourteenth Dalai Lama; transl. and ed. by Geshe Thupten Jinpa. Boston: Wisdom Publications, 2005. 192 p.

KUNCHEN ZHAMYAN SHADPA DORZHE AND PRAJNAPARAMITA PHILOSOPHY IN TIBET EDUCATIONAL SYSTEM

Gulgenova Aryuna Tsydenzhabovna, Ph. D. in History
Ministry of Social Protection of the Population of the Republic of Buryatia
agulgenova@mail.ru

The article focuses on one of the aspects of scientific activity of the great scientist- encyclopedist of medieval Tibet Kunchen Zhamyan Shadpa Dorzhe. The relevance of the paper is beyond any doubt due to the fact that in the Gelug tradition the Prajnaparamita doctrine and Kunchen Zhamyan Shadpa's personality are of special importance. However there are no fundamental researches on these issues. The Tibetan's role in the Prajnaparamita philosophy development is still poorly investigated, consequently the research findings can be successfully applied in the sphere of philosophy, history of culture, religious studies and are valuable for the wide circle of readers interested in Buddhism and its history.

Key words and phrases: Prajnaparamita; Gelug tradition; Buddhist canon; Kangyur; Tengyur; Buddhist monasteries; Madhyamaka.

УДК 304.444

Философские науки

В статье авторы приходят к выводу о том, что в русской мысли XIV-XV вв. существовал концепт, до сих пор не отмеченный наукой, – это идея Божьей защиты, которая воплотилась не только в жизни Церкви, но и в жизни всего общества, определив модель государственно-церковных отношений на длительный исторический период. Авторы полагают, что идея Божьей защиты является актуальной до сих пор, и предлагают рассматривать этот концепт как основу для формирования особенных черт российского менталитета.

Ключевые слова и фразы: Русь XIV-XV веков; религиозная и общественная мысль; государственно-церковные отношения; идея Божьей защиты; взаимосвязь религии и менталитета.

Давыдов Алексей Юрьевич

Лобазова Ольга Федоровна, д. филос. н., доцент

Российский государственный социальный университет

nick_davidov@mail.ru; Yashik211@rambler.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ИДЕЙНЫЕ КОНЦЕПТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУСИ XIV-XV ВЕКОВ

Введение. Как показывает опыт, общественный и научный интерес к русской истории XIV-XV вв. активизируется в те периоды, когда российская идентичность подвергается испытаниям на прочность внешними воздействиями и внутренними обстоятельствами. В связи с этим в настоящее время вновь возросло значение тех исторических уроков, которые можно извлечь, анализируя сущность и формы явлений и процессов, происходивших на Руси в XIV-XV вв. Начало этого исторического этапа отмечено разгромом ранее установившейся политической и экономической системы, катастрофическим упадком уровня жизни, кризисом культуры и общественного сознания. А завершился этот период полным освобождением от иноземного ига и политической централизацией, формированием нового хозяйственного уклада, возрождением культуры и общественной мысли. И все это было достигнуто в крайне неблагоприятных условиях внешнего политического и экономического давления (на современном языке – санкций). Развитие социальных процессов было, с одной стороны, причиной, а с другой стороны, результатом движения русской религиозной и общественной мысли, отразившей все особенности времени своего создания. Изучая русскую мысль XIV-XV вв., можно увидеть факторы, детерминировавшие конкретные события и явления, и уровень осознания обществом этих факторов, выраженный в постановке целей и задач развития общества и личности. Именно поэтому изучение особенностей религиозной и общественной мысли Руси XIV-XV вв. является одной из центральных задач в проблемном поле истории отечественной мысли.

Материалы и методы. При работе над данной статьей авторы стремились реализовать основные составляющие диалектического метода – принципы объективности, всесторонности и историзма на основе ценностного подхода. Данная методология работы определена междисциплинарным характером проблемы, которая находится на пересечении исследовательских интересов истории, философии, культурологии и теологии. Источниками настоящего исследования послужили письменные памятники эпохи: летописи, акты и духовные грамоты, учительные сборники, сказания, повести и жития, грамоты и послания, духовные стихи, проповеди и литургии. Авторы опирались на положения и выводы, содержащиеся в трудах В. В. Бычкова, В. В. Зеньковского,

Д. С. Лихачева, С. В. Переверзенцева, Г. М. Прохорова, Г. П. Федотова и обращались к работам других современных исследователей, работающих в пределах аналогичной проблематики.

Обсуждение. В отечественной науке утвердилось мнение о том, что религиозная мысль и общественная мысль Руси XIV-XV вв. существовали в теснейшей взаимосвязи, практически неразделимо. Например, В. В. Зеньковский говорил о том, что «русская мысль всегда (и навсегда) осталась связанной со своей религиозной стихией, со своей религиозной почвой» [9, с. 10]. Однако оценки этому явлению давались разные. Так, в советский период религиозность всех проявлений общественного сознания средневековой Руси оценивалась негативно. А с точки зрения церковных (или близких к Церкви) историков, наоборот, наличие в общественной мысли элементов, не связанных с православным мировоззрением, только вредило общественному развитию. В настоящее время достигнута взвешенная позиция, в соответствии с которой связь религиозной и общественной мысли Руси XIV-XV вв. признана историческим фактом, который не требует оценок, но является отправной точкой в научном анализе [3; 11].

Все разнообразие религиозной и связанной с ней общественной мысли транслировалось в общественное сознание посредством создания рукописных книг различных жанров и назначений. Исследователи постоянно старались найти баланс между сравнительно небольшим объемом оригинальных русских произведений и важностью процессов, происходивших в данный период и отразившихся в письменных источниках эпохи. Например, В. В. Зеньковский указывал, что «период “молчания” был периодом накопления духовных сил, а вовсе не дремоты духовной» [9, с. 42]. Такого же мнения придерживается Г. П. Федотов: «Поразительно, что самые темные века истории России обернулись золотым веком русского искусства и русской святости. Никогда, ни до, ни после того, не была превзойдена или хотя бы достигнута эта вершина мистической жизни и религиозного искусства» [24, с. 14].

Различия в оценках имеющегося объема письменных источников русского книгописания не оказали существенного влияния на оценки степени влияния «книжных» идей на население Руси XIV-XV вв. Практически все исследователи сходятся на том, что книжное слово оказывало колоссальное влияние на русских читателей и слушателей. «Книжник» было почетным званием на Руси. Слово, написанное в книге, воспринималось на Руси с чувством глубокого доверия и уважения. Д. Л. Башкиров и И. И. Шпаковский пишут: «В древнерусской культуре слово и текст непосредственно соотносились с непрерывным процессом самораскрытия и постижения человека, с откровением о нем как о личности» [4, с. 7]. В. В. Бычков отмечает, что «практически до середины XVI в. почти все написанное считалось истинным уже потому, что оно было написано» [5, с. 106]. Г. П. Федотов указывает, что «русский книжник включил в сферу священного все свои книги, поскольку его библиотека практически не содержала никакой другой литературы, кроме “божественной”» [24, с. 48].

Анализируя тематику русских средневековых литературных произведений, исследователи отмечают наличие разнообразных тем, связанных воедино несколькими центральными идеями. Так, например, Д. С. Лихачев считал, что в это время русская литература строго подчинена теме государственного строительства. По его мнению, в этот период распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастает до широчайших размеров [13, с. 13]. С. В. Переверзенцев отмечает, что в этот период в религиозной и общественной мысли начинается напряженная духовная работа по осмыслению нового всемирно-исторического значения России, результатом которой стало формулирование идеи о том, что «Московское государство обязано духовно укрепиться и принять на себя Божественную миссию: спасти остальной “изрушившийся” мир» [16, с. 206]. В. В. Зеньковский [9, с. 64] полагал, что главными направлениями русской религиозной и общественной мысли XIV-XV вв. было исследование проблем историософских и антропологических, то есть именно в это время закладывалась особенность русского сознания – примат морального и социального начал. Из комплекса всех историософских положений В. В. Зеньковский отмечает идею особой миссии русского народа, русского царства.

Авторы статьи делают вывод, что большинство отечественных исследователей отмечает присутствие в русской литературе следующих тем: 1) практическая необходимость и высокий духовный смысл борьбы за национальное освобождение; 2) «русская святость» и «русские чудеса», героизация участников борьбы за независимость и подвижников православной веры, мучеников за веру; 3) историческая преемственность власти нового государства от правителей Киевской Руси, а через них – от Византии; идея самоценности нового русского государства и его властителей (царская власть – от Бога, королевская – от людей); 4) «самовластие человека» и задачи его спасения в условиях приближения дня всеобщей расплаты за грехи в форме Страшного суда и последних дней мира; 5) роль и место Церкви как посредника между Богом и народом, между народом и властью, как идеолога политики государственного строительства и глобальных задач общества православных, как наставника представителей власти и каждого отдельного человека в его стремлении к спасению души; 6) поиск мирской справедливости, гармонии во взаимоотношениях «веры и правды», создание проектов правильного обустройства жизни; 7) постижение смысла Священного Писания и Предания, изучение святоотеческого наследия и попытка интерпретировать их содержание.

Основные идейные концепты, в которых наиболее ярко отражалось смысловое содержание направлений религиозной и общественной мысли, формировались вокруг трех «стержневых целей» тотального строительства – правильного устройства государства, Церкви и личности. Эти цели были взаимосвязаны идеями обязанности патриотического служения, миссии распространения православия, долга нравственного совершенствования.

Созвучные высказанному тезису мнения мы встречаем в работах современных отечественных авторов. Во-первых, в них говорится о формировании в средневековой религиозной и общественной мысли представлений, раскрывающих смысл и задачи патриотического служения в рамках создающегося централизованного

государства [14; 21; 23]. Во-вторых, анализируется зарождение мессианских настроений и идей, их выражающих [1; 2]. И, в-третьих, раскрываются особенности понимания средневековым русским «книжником» долга нравственного совершенствования человека [7; 8; 12].

Все патриотические (национальные), мессианские (вселенские) и этические (личностные) идеи существуют в средневековой литературе нераздельно, находя свое отражение в рамках одних произведений, где оригинальный текст сочетается с переводным, факты переплетаются с вымыслом, публицистические обличения сменяются философским эссе.

Авторы статьи полагают, что главными идейными концептами русской средневековой религиозной и общественной мысли могут быть названы представления: о силе (наличной и потенциальной) русского народа и его властителей, которая должна привести к свержению иноземного ига и созданию единого и могущественного государства; о русском православии, как единственно истинном христианстве, хранящем в незамутненном виде заповеди Спасителя; об особой миссии русского православного народа и его государя в сохранении чистоты христианской веры и достижении социальной справедливости; о высоком уровне нравственных требований, обращенных к личному миру верующего, выполнение которых ведет к спасению души.

Результаты. Выражая согласие с имеющимися в исторической науке мнениями об основной тематике и главных направлениях религиозной и общественной мысли Руси XIV-XV вв., авторы полагают, что во всем идейном спектре эпохи можно найти концепт, о существовании которого не было достаточно ясно сказано – это идея Божьей защиты.

Идея Божьей защиты формализуется, прежде всего, в сфере религиозной мысли. Во-первых, в распространении представлений об особой роли таких предметов культа, как иконы, которые, приобретая исключительное символическое значение, становятся участниками важнейших исторических событий; во-вторых, в утверждении в культовой и внекультовой деятельности особой роли молитвы, которая, выполняя охранительную функцию, присутствует во всех сферах и на всех уровнях жизни верующих.

Идейный концепт Божьей защиты на уровне массового сознания воплощается в ожидании и лицемерии разнообразных чудес – в индивидуальном существовании (избавление от болезней и бедности, обретение личного достоинства) и в жизни целого народа (избавление от угнетения и завоевание чести, т.е. заслуженного места среди других народов).

Иконы как участники истории. Теория иконы была изложена только в конце XV века Иосифом Волоцким в «Просветителе» в «Словах» (5, 6, 7), направленных против иконоборцев. В «Слове шестом» Иосиф Волоцкий пишет: «Творящий образы и подобия, заповеданные Самим Богом в славу Свою, через них возносится умом к Богу, поэтому поклоняться им и почитать их – хорошо и богоугодно; только не боготворить их, как это делали язычники» [10, с. 158].

Идея традиции, предания, лежавшая в основе любой средневековой культуры, служила древнерусским мыслителям важным аргументом в защиту религиозных изображений [5, с. 229]. «Икона, – по определению В. В. Бычкова, – это духовно-художественный символ православия, его главный художественно-визуализированный компонент, а само православие – одно из сущностных оснований русской культуры» [6, с. 23].

Летописные источники повествуют о большом общественном значении факта перенесения из Владимира в Москву государственной святыни – иконы Владимирской Божией матери, которая пользовалась особым почетом. По преданию чудесная икона святой Богородицы написана была рукою святого апостола и евангелиста Луки. Как отмечает Д. Л. Башкиров, «среди списков XV века древней иконы Владимирской Богоматери особой интенсивностью мотива молитвенного предстания Богородицы Своему Сыну за христиан, просящих о помощи, отличалась икона из Успенского собора Владимира» [4, с. 262]. Перенесение иконы подтверждало избранность Москвы как политического центра в противопоставлении Киеву и Владимиру. Оценки данного события наиболее ярко отражены в «Повести о Темир-Аксаке» [18], созданной в период между 1402 и 1418 гг.

Процесс создания самой иконы требовал от иконописца не только таланта. Русские иконописцы брались за работу «с душевным трепетом», будучи глубоко уверены в том, что через какое-то время «творение их рук наполнится божественной энергией, которая через ими написанное изображение будет переходить к людям, творить чудеса». Как отмечает В. В. Бычков, «на протяжении всего Средневековья древнерусское массовое сознание наделяло икону божественной благодатью и соответственно чудодейственной силой, что было закреплено в теоретических трактатах того времени» [5, с. 232-233].

Охранительная функция молитвы и богослужения. Богослужение и молитва становятся неотъемлемой частью жизни русских людей уже с первых веков по принятии христианства. Мольба отвлечь «поганых» и защитить от болезней и бедствий звучала в русской гимнографии еще с домонгольского периода. В сознании русского человека вера в Божью защиту была настолько сильна и непоколебима, что обращение к иконе не оставляло никаких сомнений в том, что молитва – «чествование образа» перейдет к «Первообразу».

Первоначально миссия возносить молитвы возлагалась, главным образом, на священнослужителей, поскольку «сила молитвы» зависела от точности соответствия произносимого слова каноническому тексту. А это предполагало определенный уровень знания соответствующих текстов. «Храм во время литургийного богослужения представлялся духовным властям – и этому они наставляли верующих – “земным небом”, на котором присутствовали сонмы ангелов и архангелов, принимавших участие в священнодействиях и в таинственном возношении молитв к Богу. Все человеческое исключалось отсюда, а потому и импровизация с ее постоянными недомолвками не имела доступа в “земное вместилище божественной славы”» [15, с. 6].

В обиходе Церкви находился весьма внушительный «минимум» богослужебной литературы, без которой не мог обходиться церковный ритуал и которая была создана церковными авторами – таковы Служебник,

излагавший литургию, Часослов, содержащий молитвы на различные часы суток, Октоих, заключающий молитвы на каждый день недели, Евангелие и Апостол – евангельские и апостольские тексты, читавшиеся в церкви, Псалтирь (Простая, Следованная, Толковая), Требники, Минеи, Триоди и многие другие богослужебные книги. Но социальная роль великокняжеской власти повлияла и на состав участников молитвенного творчества, включив в его процесс выдающихся исторических деятелей. Например, летопись говорит, что князь Дмитрий Донской, услышав о том, что «бесстыдный Мамай», буруемый мыслями «злыми и беззаконными», двинулся, «бахвалясь», на Русскую землю, обратился к Богу и к пречистой его Матери: «О, пресвятая госпожа Богородица-дева, заступница миру и помощница, моли Сына своего за меня, грешного, да удостоюсь славу и жизнь свою положить во имя Сына твоего и твое, ибо не имеем другой помощницы, кроме тебя, Госпожа». Во время страшной битвы на Куликовом поле, по утверждению летописца, «помог Бог князю Дмитрию и победил окаянный Мамай перед лицом его», поскольку Дмитрий, «царским саном облеченный», жил «по-ангельски, постился и все ночи простаивал на молитве» [22, с. 246].

Молитвенные подвиги становятся отличительной чертой благочестия, праведности и святости, то есть атрибутом характеристики выдающихся людей эпохи. В «Повести о Темир-Аксаке» [18] рассказано о значении и силе молитвы князя Василия Дмитриевича. Житие Александра Невского рассказывает, что «верный православному вероучению, Александр Невский каждый свой шаг освещает молитвой и упованием на Божию помощь» [16, с. 179]. Среди многочисленных добродетелей Сергия Радонежского отмечается сила его молитвы, позволявшая приходить чудесным видениям. С. В. Переверзенцев пишет, что «как свидетельствует “Житие Сергия Радонежского”, богоявления Троицкому игумену совершались неоднократно. Чаще всего – во время молитвы. Наиболее яркое и значимое из них – явление Божией Матери, которая в ответ на молитву преподобного Сергия обещала свое покровительство устроенной им обители» [Там же, с. 191].

Молитвы, по убеждению средневекового человека, побуждали божественные силы творить чудеса. В «Повести о Благовещенской церкви» рассказывается, что когда ее благочестивые строители Иоанн и Григорий «начали класть церковь и возвели ее до высоты плеч» и им не хватило денег на завершение постройки, стали они молиться о помощи. «И, милостью Божьей и Пречистой Богоматери, была построена та церковь...» [17, с. 171].

Ни один древнерусский книжник, живописец или зодчий не приступал к работе, не помолившись об очищении души и даровании разума. Древнерусские авторы обычно начинали свои произведения со слов «Господи, Благослови Отче!». Постепенно были созданы многочисленные тексты, рекомендованные для частной молитвы мирян вне стен храма. Большое влияние и распространение имели тексты молитв и гимнов, созданные на основе переводов византийских произведений, например, константинопольского патриарха Филофея Коккина. Как отмечает Г. М. Прохоров, основная причина распространения гимнов и молитв Филофея на Руси была в «удивительной приложимости этих молитв и канонов к “обстоятельствам русской земли”, страдавшей от татар, междоусобиц и эпидемий» [20, с. 141]. Они являлись литературным дополнением живописи Феофана Грека и Андрея Рублева и сыграли немаловажную роль в общественном сознании в эпоху Куликовской битвы и, что наиболее важно, «легли в основание одной из самых поздних “средневековых” культур Европы – культуры допетровской Руси» [Там же, с. 142].

Для русского человека не менее важным, чем сам текст молитвы, было внутреннее состояние, искренность обращения к Богу. Особенной высоты представления о силе молитвы достигли во взглядах Нила Сорского [19], который создал концепцию «умного делания». Согласно его пониманию, «умное делание» – это внутренний духовный процесс, совершающийся в глубоких тайниках человеческого духа и распадающийся на три отдельных акта: безмолвие, умную молитву и созерцание (или видение). В свою очередь, умная молитва – отрешенное от всех помыслов самоуглубление, соединенное с постоянным повторением молитвенных слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!». Умная молитва безразлична к внешнему положению молящегося – находится ли он в храме или в келье, лежит ли, стоит или сидит. Единственное требование – удержание, по возможности, дыхания. Причем на определенной стадии молитва произносится не словами, но неким внутренним голосом. Таким образом, сосредоточив все усилия души на мысли о Боге, умная молитва заставляет «искать в сердце Бога». Поэтому в сердце вселяется радость, и молящийся принимает Бога как бы внутрь себя. Следовательно, умная молитва является «источником ко всякому благу». Впрочем, молящийся должен избегать искуса «мысленных парений», ибо «мысленные парения» доступны далеко не каждому, а только после трудного, изнуряющего молитвенного труда. Однако в определенный момент наступает состояние «видения молитвы». Видение – предельная, высшая ступень умной молитвы, на которой молящийся устаивается созерцания Господа, таинственного соединения с Ним: «И не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает» [16, с. 224].

Божья защита в сознании русских людей была защитой и великой помощью не только во время татарских набегов, эпидемий, голода, засух, пожаров, «в общих напастех», но и помощью во всех мирных практических делах. На основе различных иноязычных источников русские мыслители создавали собственные, оригинальные тексты. В результате этой творческой деятельности, немного позже рассматриваемого периода, в середине XVI столетия трудами митрополита Макария (1482-1563) были составлены Великие Минеи Четьи – огромный свод книг, содержащий жития святых, изложенные в порядке празднования их памяти по православному церковному календарю. Сюда же входили псалмы, гимны, молитвы, каноны на каждый день месяца и на весь год, начиная с сентября. Макарьевские Минеи Четьи, созданные с опорой на материалы предыдущих эпох, намного превосходили предшествовавшие им своды и на долгие годы стали одними из главных богослужебных книг в Русской Православной Церкви [Там же, с. 207].

Заключение. Итак, главными идейными концептами русской средневековой религиозной и общественной мысли были представления о задачах национального освобождения и политического единства, сохранения чистоты православной веры в масштабах человечества и человека. Также в идейном спектре эпохи можно найти концепт, о существовании которого не было достаточно ясно сказано – это идея Божьей защиты, которая формализуется, прежде всего, в сфере религиозной мысли. Во-первых, в распространении представлений об особой роли таких предметов культа, как иконы, которые, приобретая исключительное символическое значение, становятся участниками важнейших исторических событий; во-вторых, в утверждении в культовой и внекультовой деятельности особой роли молитвы, которая, выполняя охранительную функцию, присутствует во всех сферах и на всех уровнях жизни верующих.

В условиях тесной связанности религиозной и общественной мысли идея Божьей защиты воплотилась не только в жизни Церкви, создав основание для богословского творчества, но и в жизни всего общества, реализовавшись в политических установках концептуального и обыденного сознания и определив модель государственно-церковных отношений на длительный исторический период. В XIV-XV вв. были сформированы и эксплицированы: во-первых, идеи необходимости государственной независимости и единства, приоритета интересов государства, задачи государства как защитника чистоты православия и Церкви; во-вторых, идеи первоочередности идеологической и нравственной функции Церкви, единства Ветхого и Нового Заветов, Священного Писания и Предания; в-третьих, идея «самовластия» личного духа, религиозного индивидуализма. И, наконец, в-четвертых, универсальные идеи, объясняющие взаимосвязь событий вселенского масштаба – это идеи исторического провиденциализма, миссии православного государства, его государя, Церкви и народа (отразившиеся, в том числе, в концепте «Москва – третий Рим»). Именно в этих универсальных идеях, по нашему мнению, в наибольшей степени реализовался общественно-политический и социальный смысл идеи Божьей защиты, который получил развитие в последующие исторические периоды и воплотился в трансформированном виде в идейных концептах мессианизма, универсального детерминизма и нравственного максимализма.

Благодаря тому, что в XIV-XV вв. были сформированы и широко разъяснены основополагающие идеи взаимосвязанности истинного православия и независимой государственности, спустя два века российское государство смогло пережить трагические страницы завершающего этапа Московского периода, включившего в себя период Смуты, борьбу с польскими интервентами, крестьянские войны под предводительством Ивана Болотникова и Степана Разина. Именно потому, что идея Божьей защиты явно или не явно присутствовала во всех замыслах активных участников исторических событий, стало возможным воцарение новой династии Романовых и последующее государственное строительство.

Идея Божьей защиты воплотилась как в религиозной, так и социально-политической сфере жизни, выразившись в концепциях богословского и общественного звучания. Мы полагаем, что есть несколько оснований для того, чтобы утверждать – религиозная и общественная мысль Руси XIV-XV вв. послужила прочной основой и своеобразной «стартовой площадкой» для последовавшего периода расцвета русской культуры.

Во-первых, несмотря на однозначную победу сторонников авторитета «русской старины» в богословии все больше внимания стало уделяться личностному началу. В связи с этим в последующие исторические периоды на концептуальном уровне религиозной мысли и в практике религиозного служения возникают теории и течения, призывавшие своих сторонников совершенствовать мир через взыскательное отношение человека к самому себе – исихазм, старчество, отшельничество. Развивается концепция «деятельного аскетизма», впоследствии оказавшая влияние на концепцию «хождения в народ». Идея Божьей защиты в данном аспекте позволила находить верующему человеку прямой путь к общению с Богом через молитву, воздержание и труд, не отрицая ведущей роли Церкви – как в протестантизме, и не впадая в крайний мистицизм – как в католичестве.

Во-вторых, определяется ведущая роль государства в русском обществе, форма родовой преемственности единовластия как идеал государственной власти. Формируются и укрепляются представления о неразрывной связанности русской власти с православием, об особых вземных (религиозно-мистических) функциях русского государства и его властителей. Идея Божьей защиты в данном аспекте воплотилась в идею («Москва – третий Рим») о вселенской миссии православного государства – от лица (или по поручению) Бога защищать и сохранять «неиспорченное» христианство, следовать его принципам во всех сферах (во внутренней и внешней политике).

В-третьих, укрепляются представления о сакральной природе высшей власти, о необычных свойствах личностей, возглавляющих властную иерархию, об особых земных (социально-политических) функциях государя – отстаивать народную правду (которая часто спрятана от него нерадивыми слугами). В данном случае идея Божьей защиты воплощается в мифологеме о добром и сильном царе Земли русской, который судит, наказывает и милует по праву от Бога, предоставившего православным людям защиту в лице праведного царя или наказание – в лице отступника или самозванца.

В-четвертых, определяется роль Русской Православной Церкви, как верного помощника и последовательного наставника светских властей, как особого государственного подразделения, ответственного за распространение православия и за религиозное просвещение подданных государства, как контролера морально-нравственной общественной атмосферы и уровня гражданской лояльности, как организатора социальной помощи и поддержки. Идея Божьей защиты в данном случае воплощается в представлениях о широких социальных функциях Церкви, для выполнения которых она должна иметь соответствующий материальный ресурс.

В-пятых, именно в XIV-XV вв. формируются стойкие характеристики сознания и поведения русских людей, прочно закрепившиеся в практике на бессознательном уровне и до сих пор определяющие некоторые черты русского менталитета – способность к длительному напряжению сил и к жизни в перманентно тяжелых

условиях, стремление к коллективной организации производства, тяга к рефлексии, предельная высота целей и идеалов, приверженность к большим пространствам, готовность к межкультурным контактам и многое другое (пренебрежение расчетом и планированием, готовность к неоправданному риску, лень и беспечность). Идея Божьей защиты в данном случае проявилась в идее «адресного» покровительства божественных сил, которое оказывается каждому православному человеку и всему православному народу в его каждодневных трудах.

Современная жизнь проходит в других условиях, и полное заимствование идей, методов и способов их пропаганды и воплощения не только невозможно, но и вредно. Однако авторы статьи полагают, что некоторые аспекты идей русских мыслителей XIV-XV вв. являются актуальными до сих пор, поскольку их влияние обнаруживается в сознании и деятельности современного российского общества.

Список литературы

1. **Алексеев С. В., Плотникова О. А.** Мечты о Новом Иерусалиме. Христианское обоснование власти: Византия, Болгария, Русь // Родина. 2012. № 5. С. 51-52.
2. **Андреев А. Л.** Особенности русского исторического самосознания // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 8 (24). С. 15-20.
3. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Тенденции развития философско-психологической мысли на Руси в период Средневековья // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 142-148.
4. **Башкиров Д. Л., Шпаковский И. И.** Лекции по истории литературы Древней Руси. Минск: БГУ, 2008. 423 с.
5. **Бычков В. В.** Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М.: Мысль, 1995. 637 с.
6. **Бычков В. В.** Феномен иконы. М.: Ладомир, 2009. 638 с.
7. **Введенский В. Н.** Жизненные ценности православного человека в России до XV века [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 7 (23). URL: <http://human.snauka.ru/2013/07/3580> (дата обращения: 12.11.2015).
8. **Дорофеева Л. Г.** Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века). Калининград, 2013. 436 с.
9. **Зеньковский В. В.** История русской философии. Харьков: Фолио; М.: ЭКСМО, 2001. 879 с.
10. **Иосиф Волоцкий.** Просветитель. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 164 с.
11. **Исаков А. А.** Кризис религиозно-мифологической картины мира и возникновение философских идей в русском государстве XV-XVI вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53). Ч. 2. С. 88-91.
12. **Каравашкин А. В.** Проповедь конца XV века: Средневековая Русь // Материалы международного научного конгресса «История семьи – история народа» / РГГУ. М., 2012. С. 237-245.
13. **Лихачев Д. С.** Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 172 с.
14. **Михайлова Т. В., Михайлов А. В.** Родовая семантика в публицистическом дискурсе Московской Руси («Святорусское царство» и его языческие корни) // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 132-137.
15. **Никольский Н. К.** Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси (XV-XVII вв.) и их значение для современной гомилетики. СПб., 1901. 19 с.
16. **Переверзнецов С. В.** Тайны русской веры: от язычества к империи. М.: Вече, 2001. 432 с.
17. **Повесть о Благовещенской церкви** / подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева // Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 170-172.
18. **Повесть о Темир-Аксаке** / подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова // Памятники литературы древней Руси (ПЛДР). XIV – середина XV века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 230-243.
19. **Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский:** сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 424 с.
20. **Прохоров Г. М.** К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. XXVII. С. 120-149.
21. **Рудаков В. Н.** В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV-XVI вв. // Вестник славянских культур. 2012. № 1 (XXIII). С. 57-61.
22. **Слово о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского** / подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Салминой // ПЛДР. XIV – середина XV века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 245-260.
23. **Талина Г. В.** Московская Русь от удельного княжества к царству: эволюция государственности сквозь призму представлений современников // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 142-151.
24. **Федотов Г. П.** Русская религиозность. Часть II. Средние века. XIII-XV вв. // Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Мартис, 2004. Т. 11. 367 с.

RELEVANT IDEOLOGICAL CONCEPTS OF RUSSIAN RELIGIOUS AND SOCIAL THOUGHT OF THE XIV-XV CENTURIES

Davydov Aleksei Yur'evich

Lobazova Ol'ga Fedorovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Russian State Social University

nick_davidov@mail.ru; Yashik211@rambler.ru

The authors conclude that in the Russian thought of the XIV-XV centuries there was a concept previously uninvestigated by scientists – the idea of the God's protection, which manifested itself both in religious and social life establishing a model of state-church relations for a long historical period. The researchers believe that the idea of the God's protection is still relevant and propose to consider this concept as a basis to form special features of Russian mentality.

Key words and phrases: Russia of the XIV-XV centuries; religious and social thought; state-church relations; idea of God's protection; interrelation of religion and mentality.